



18 июля 1918 года окончился мученической кончиной многотрудный путь земной жизни преподобномучениц великой княгини Елисаветы и инокини Варвары. Их жизнь была наполнена духовными подвигами и жертвенным служением больным, немощным и нуждающимся ближним. 18 июля 2018 исполнилось 100 лет, как святые подвижницы пребывают в блаженной вечности жизни с Богом вместе со всеми святыми.

В этот день митрополит Николаевский и Очаковский Питирим возглавил молебен в часовне преподобномученицы великой княгини Елисаветы, расположенной возле областной психиатрической больницы №2 в селе Сапетня Николаевского района. Владыке сослужили благочинный округа протоиерей Виктор Сулыма, настоятель часовни протоиерей Иоанн Гангур и духовенство епархии. За богослужением также молились и.о. главного врача Л. Г. Дженкова, медперсонал и пациенты больницы, прихожане.

{phocagallery

view=category|categoryid=2179|limitstart=1|detail=5|displayname=0|displaydetail=0|displaydownload=0|imagesadow=shadow1|displaybuttons=0|overlib=0|highslidedescription=1|overlib=1}

Вот несколько эпизодов из жизни святой великой княгини:

После смерти мужа она собрала все свои драгоценности, часть отдала казне, часть — родственникам, а остальное решила употребить на постройку обители милосердия. На Большой Ордынке в Москве Елисавета Феодоровна приобрела усадьбу с четырьмя домами и садом. В самом большом двухэтажном доме расположились столовая для сестер, кухня и другие хозяйственные помещения, во втором — церковь и больница, рядом — аптека и амбулатория для приходящих больных. В четвертом доме находилась квартира для священника — духовника обители, классы школы для девочек приюта и библиотека.

В Марфо-Мариинской обители великая княгиня вела жизнь подвижницы. Спала на деревянной кровати без матраца. Строго соблюдала посты, вкушая только растительную пищу. Утром вставала на молитву, после чего распределяла послушания сестрам, работала в клинике, принимала посетителей, разбирала прошения и письма.

Вечером, — обход больных, заканчивающийся за полночь. Ночью она молилась в молельне или в церкви, ее сон редко продолжался более трех часов. Когда больной метался и нуждался в помощи, она просиживала у его постели до рассвета. В больнице Елисавета Феодоровна брала на себя самую ответственную работу: ассистировала при операциях, делала перевязки, находила слова утешения, стремилась облегчить страдания больных. Они говорили, что от великой княгини исходила целебная сила, которая помогала им переносить боль и соглашаться на тяжелые операции.

В качестве главного средства от недугов настоятельница всегда предлагала исповедь и причастие. Она говорила: «Безнравственно утешать умирающих ложной надеждой на выздоровление, лучше помочь им по-христиански перейти в вечность».

Сестры обители проходили курс обучения медицинским знаниям. Главной их задачей было посещение больных, бедных, брошенных детей, оказание им медицинской, материальной и моральной помощи.

В больнице обители работали лучшие специалисты Москвы, все операции проводились бесплатно. Здесь исцелялись те, от кого отказывались врачи. Обитель действует и поныне, продолжая дело, начатое святой княгиней.

Первое время после октябрьского переворота Марфо-Мариинскую обитель не трогали. Напротив, сестрам оказывали уважение, два раза в неделю к обители подъезжал грузовик с продовольствием: черный хлеб, вяленая рыба, овощи, немного жиров и сахара. Из медикаментов выдавали в ограниченном количестве перевязочный материал и лекарства первой необходимости.

Но все вокруг были напуганы, покровители и состоятельные дарители теперь боялись оказывать помощь обители. Великая княгиня во избежание провокации не выходила за ворота, сестрам также было запрещено выходить на улицу. Однако установленный распорядок дня обители не менялся, только длиннее стали службы, горячее молитва сестер. Отец Митрофан каждый день служил в переполненной церкви Божественную Литургию, было много причастников. Некоторое время в обители находилась чудотворная икона Божией Матери Державная, обретенная в подмосковном селе Коломенском в день отречения императора Николая II от престола. Перед иконой совершались соборные моления.

После заключения Брест-Литовского мира германское правительство добилось согласия советской власти на выезд великой княгини Елисаветы Феодоровны за границу. Посол Германии граф Мирбах дважды пытался увидеться с великой княгиней, но она не приняла его и категорически отказалась уехать из России. Она говорила: «Я никому ничего дурного не сделала. Буди воля Господня!»

Спокойствие в обители было затишьем перед бурей. Сначала прислали анкеты — опросные листы для тех, кто проживал и находился на лечении: имя, фамилия, возраст, социальное происхождение и т.д. После этого были арестованы несколько человек из больницы. Затем объявили, что сирот переведут в детский дом.

В апреле 1918 года, на третий день Пасхи, когда Церковь празднует память Иверской иконы Божией Матери, Елисавету Феодоровну арестовали и немедленно вывезли из Москвы. С великой княгиней поехали две сестры — Варвара Яковлева и Екатерина Янышева.

Последние месяцы своей жизни великая княгиня провела в заключении, в школе, на окраине города Алапаевска.

В ночь на 18 июля узников вывезли за 18 км от города и живыми сбросили в заброшенную шахту железного рудника Нижняя Селимская. Утром населению сообщили, что Великих князей похитили. Для убедительности разыграли целое представление: подняли тревогу, открыли стрельбу и продемонстрировали тело убитого, якобы белогвардейца. Об этом написали все газеты.

Однако правда открылась очень скоро — нашелся очевидец. Один из местных крестьян случайно оказался рядом с шахтой во время трагедии. Его показания пересказал игумен Серафим (Кузнецов):

«Слышит, вдали какой-то шум, встает, прислушивается: приближаются какие-то люди; узнает царственных узников, которые, окруженные красноармейцами, распевая духовные песнопения, идут на смерть. Видел он, как Великой княгине Елисавете Феодоровне завязывали глаза, затем подвели к шахте и живую с размаху бросили, а она успела еще сказать: „Господи, прости им, не ведают они, что делают“. Притаившись, затаив дыхание, мужичок видел, как и остальных живыми бросали в шахту с не завязанными глазами, ругаясь площадною бранью, с адским, сатанинским смехом. Затем в шахту было брошено несколько гранат, которые разрывами засыпали таковую.

Совершив кровавое сатанинское дело, красные палачи с циничным смехом ушли от шахты. Мужичок более суток был на своем месте, боясь выйти, думая, что шахта кругом оцеплена караулом. Он слышал в шахте глухие непонятные голоса страстотерпцев Христовых. Одни сразу убились, а другие расшиблись сильно, но не убились, испытывали страшные муки и страдания от боли, голода, пребывания с мертвыми в непроницаемой тьме утробы земли... Как показало впоследствии медицинское вскрытие, что некоторые жили несколько дней, страшно мучились, ибо в гортани была земля, что свидетельствовало о их голоде, муках и голодной мучительной смерти»

В 1931 году, накануне канонизации новомучеников российских Русской Православной Церковью за границей, их гробницы решили вскрыть. Вскрытие производила в Иерусалиме комиссия во главе с начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Антонием (Габбе). Гробницы новомучениц поставили на амвон перед Царскими вратами. По промыслу Божию случилось так, что архимандрит Антоний остался один у запаянных гробов. Неожиданно гроб великой княгини Елисаветы открылся. Она встала и подошла к отцу Антонию за благословением. Потрясенный отец Антоний дал благословение, после чего новомученица вернулась в свой гроб, не оставив никаких следов. Когда открыли гроб с телом великой княгини, то помещение наполнилось благоуханием. По словам архимандрита Антония, чувствовался «сильный запах как бы

меда и жасмина». Мощи новомучениц оказались частично нетленными.

Использованы материалы сайтов [Марфо-Мариинской обители милосердия](#) и [pravoslavie.ru](#)